Марьям Равильевна АРПЕНТЬЕВА

ДИСКУРСЫ И ПРАКТИКИ КВИРИНГА В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА

В моменты социальных кризисов и коллапсов больших и малых социальных систем происходит активный рост оппозиционности: оппозиционность становится настолько повседневной, что «оппозицией» выступает уже согласие, смирение и принятие мира. Оппозиция в государстве и в гражданском может осуществляться в четырёх основных формах: противостояние как открытый протест; квирнис как альтернативное имеющемуся осмысление реальности; пассивное противостояние как состояние отчуждения и усталости, готовой в любой момент превратиться в открытое восстание; «практика ненасилия» как развития обществом ненасильственных форм противостояния государству, нацеленная на постепенное и ненасильственное преобразование общества и государства вплоть до полной отмены последнего и формирование интерактивных, партисипативных, партнерских форм управления

Ключевые слова*: партисипация, ненасилие, квирнис, интерсубъективное управление.*

Mariam R. ARPENTYEVA

DISCURSES AND PRACTICE OF QUEERING IN MODERN MEDIA

In moments of social crises and the collapse of large and small social systems, there is an active growth of opposition: opposition becomes so everyday that "opposition" is already consent, humility and acceptance of peace. Opposition in the state and in the civil can take place in four main forms: 1) confrontation as an open protest; 2) queerness as an alternative to the available comprehension of reality; 3) passive opposition as a state of alienation and fatigue, ready at any moment to turn into an open uprising; 4) "the practice of nonviolence" as the development by society of nonviolent forms of opposition to the state. This practice aimed at the gradual and non-violent transformation of society and the state up to the complete abolition of the latter and the formation of interactive, participatory, partnership forms of government

Key words: *partisipation, nonviolence, queerness, intersubjective management.*

Современность Западной цивилизации как современность постмодерна атрадиционна: традицией стало разрушение традиций. Переживание угрозы традиции и стремление разрушения традиции отражается в утопиях и антиутопиях. В магическую эпоху повсеместного варварства, эпоху цивилизационных разломов, «оттолкнувшись» от идей социального равенства, человечности, совершенства, гуманности западное общество, с их традиционной склонностью к построению психологически, социально, экономически и т.д. неравновесных, непаритетных отношений между людьми и группами, с их идеализацией идей традиционной демократии как власти большинства, а также власти денег и социального статуса, этим большинством манипулирующих, большая часть населения стран Запада пришла к нормализации идей социального использования, потребления, неразрывно связанных с состояниями аномии и социальной деструкции,

экзистенциальной опустошенностью и нереализованностью, тревогой разрушения /смерти и потери/лишения, которую люди пытаются осмыслить и/или преодолеть, создавая все новые утопии и антиутопии. Все эти дискурсы и их фрагменты активно функционируют в официальных и, особенно, неофициальных медиа.

В развитии человечества на разных этапах его бытия по-разному выраженное, но всегда неизменно важное место занимает феномен «несогласности». Под несогласием понимается проявляющаяся в дискурсе или практике модель, предполагающая наличие иерархических отношений между субъектом несогласия (вольнодумец и оппозиционер или бунтовщик-революционер) и находящимся над ним или напротив него объектом (светский или церковный властитель, аппарат власти, общество и семья, пр.), и несовпадение их (зачастую конструируемых или «инспирируемых» – в псевдо-оппозиции) представлений о должном устройстве действительности. В моменты социальных кризисов и коллапсов больших и малых социальных систем происходит, как правило, активный рост оппозиционности: оппозиционность становится настолько повседневной, что «оппозицией» выступает уже согласие, смирение и принятие мира [Желтикова, Гусев 2011; Никишин 2002; Schupbach 2007]. Оппозиция в государстве и в гражданском обществе реализуется через системы социального партнерства и социального противостояния. Оппозиция, как ее отражают современные СМИ, может осуществляться в четырёх основных формах: противостояние как открытый протест, в том числе протест революционный, процесс забастовок и стачек, гражданской войны и т.д.; квирнис как альтернативное имеющемуся осмысление реальности, трансформации распространенных социальных представлений и переживаний, ценностей и идеологем, моделей взаимодействия и отношений; пассивное противостояние как состояние отчуждения и усталости, кажущейся бесчувственности и пассивности, готовой в любой момент превратиться в открытое восстание; «практика ненасилия» как развития обществом ненасильственных форм противостояния государству и некоторым своим подгруппам или субгруппам, нацеленная на постепенное и ненасильственное преобразование общества и государства вплоть до полной отмены последнего, формирование и развитие интерактивных, партисипативных, партнерских форм управления. Последняя форма, как очевидно, выступает уже не столько как оппозиция сама по себе, однако, в государстве и его неизбежно репрессивно-насильственных формах отношений, является наиболее радикальным вариантом противостояния «без противостояния». Социальное партнерство, с его идеями демократии, сочувствия и ассимиляции, помогает перевести «оппозицию» в лояльность, создать иллюзию привлечения населения к решению проблем страны. Социальное противостояние – использует идеи и технологии дискредитации демократии и таких ее принципов как «толерантность», «власть большинства» и т.д. Государство и обслуживающие государство «официальные медиа» в отношениях с «оппозиционными» гражданами, сообществами и странами могут занимать самые разные позиции: от терпимости (толерантности) к открытому или скрытому преследованию «психически больных, преступников и инакомыслящих». Трансферы оппозиционности как стратегии и технологии

проникновения идей оппозиции в общество и государство различны. Удачные опыты связаны с тем, насколько идеология общества, государства и конкретных граждан, к которым направлены «санкции» или «благодеяния» совпадают или могут быть сближены в процессе трансферов: совместной, диалогической деятельности [Де Токвиль 1992; Желтикова, Гусев 2011; Шестаков 1995; Шульц 2014]. На пути решения этих вопросов страны Запада, а также многие регионы и государства бывшего СССР и «социалистического лагеря» в целом столкнулись с противоречием тенденций мондиализации и сегментации государств и сообществ, этническим забвением и геноцидом и этническим возрождением. Этнокультурные вопросы при этом стали основными вопросами, определяющими суть происходящего, наряду с вопросами еще более «общего» характера: проблемами «сексуальных» или гендерных квиров (с андрогинной, интергендерной, бигендерной и иными вариантами нарушенной или несформированной идентичности) и других социальных аддикций. Национальное возрождение – процесс и результат восстановления национальных, политических и культурных прав (на внешнем уровне) и самосознания (на внутреннем уровне) этноса, народа, народности, которые находились в более или менее подавляющей их развитие и /или этноцидной зависимости от господствующей, «имперской» народности, чаще всего – меньшинства от большинства. Этот процесс сопровождается ростом научного и повседневного интереса к своему прошлому, программами и медиапроектами, посвящёнными этнографии и истории, филологии и фольклора. С ним связано развитие авторской и народной литературы и иных видом творчества на народном языке, с возникновением и развитием образовательных и культурных учреждений для воспроизводства и аккумуляции компонентов возрождающейся этнической и религиозной культуры. Происходит возникновение национальных политических партий, которые выступают нередко за достижение независимости от политических, экономически и иных структур государства, создают собственные СМИ и иные медиасистемы. Поэтому обычно имперские власти относятся к проявлениям национального возрождения с неприятием: угроза разделения страны и власти, угроза экономического и политического коллапса и т.д.. Часто приводит к идеализации национальной жизни и культуры. Возникает романтический национализм как тяга к идеализации национального прошлого и культуры. Подъём национальной идентичности оставляет обычно значительный, неизгладимый след в истории стран: в Европе он привёл к образованию национальных государств, в США возникают сильные центробежные силы не только между штатами, но и внутри них. Обычно этот период тесно связан с неудовлетворённостью «пошлой», тривиальной современностью и с увлечением прошлыми эпохами в жизни стран. Наибольший интерес привлекают те исторические периоды, когда та или иная страна находилась на пике могущества. В школах и университетах, в СМИ начинает насаждаться культ извлечённых из исторического континуума «великих событий» и «великих людей», производится сбор и изучение народных преданий, сказок, былин, поговорок и т.д., большой резонанс приобретают

археологические и иные исторические данные в том числе фальсификаты. Националистические идеологии также часто чреваты перехлёстами: на правом конце политического спектра они зачастую перетекали в проповедь национального превосходства либо в имперский национализм. В результате местные диалекты зачастую рассматривались как угроза для национального единства и ущемлялись; дело доходило до запретов на печатание книг и общения на языках национальных меньшинств. Актуальность приобретают проекты расширения национальных границ (панамериканизм) и создания общего государства (мондиализм). В условиях войны эти явления дают начало и дорогу реваншистско-националистическим течениям в политической жизни (фашизм). В США фашизм, вместе с этническим / культурным геноцидом, является политически одобряемым и традиционным способом построения отношений, ничуть не отмененным «мультикультурными» инициативами в отношении некоторых групп. И мондиализм как «всеобщая демократия» и распространение культуры США на весь мир заявлено как цель развития США уж давно, а также активно поддерживается медиа, «не замечающими» разрушительного характера рекламируемых ими дискурс-систем.

Одно из средств продвижения этих целей выступает квирнис (queerness) – отличный от нормативного осмысления реальности и ее фрагментов дискурс «инаковости». Квиринг – деятельность по осуществлению квирниса (queering), исследованию и построению отношений с той или иной частью реальности с точки зрения, отличной от общепринятой. нормативной. Квирнис имеет несколько основных фокусов: национально-религиозный, этнокультурный квирнис (создание иллюзий равноправия наций и этносов в мультикультурном и «толерантном» сообществе), гендерно-сексуальный квирнис (разрушение традиционных отношений и создание незащищенности человека путем рекламы «толерантности» к аддикциям в половой и смежных сферах) и квирнис в отношении инвалидов , лиц с психическими и соматическими отклонениями и деформациями (использование императивов инклюзии и представлений о практически значимых «компетенциях» для формирования сообщества с низкими запросами в сфере личностного и социального развития). Паннационализм как группа движений, которые опираются на националистическо-религиозные идеологии, стремящиеся объединить представителей определенных этнических и языковых групп в одну страну, – одна из типичных для современности и прошлого ориентаций: американская нация с ее комплексом избранности и псевдоцелостности как и другие нации того типа опирается в своем движении на постулат особой, в т.ч. божественной миссии определенных этнических и т.д. групп.

С гендерно-сексуальным квирнисом (queerness, Q-life) и иными аддикциями, поддерживаемыми и ретранслируемыми современными медиа связано и возникновение ЛГБТКИА – сообществ лесбиянок, геев, бисексуалов (немоносексуалов, bisexuality) и трансгендеров (transgender), квиров (genderqueer/non-binary), интерсексуалов (pansexuality) и асексуалов (aromantic, asexuality), – а также и смежных с ними сообществ, обладающих отличным от традиционного понимания отношения полов, секса, родителей и детей, семьи в целом, объединяемых общими социальными и иными

целями и проблемами. Квир-идентичность позволяет людям этих групп параллельно выдвинуть политическое заявление против гетеронормативности и отказаться от традиционной политики категоризации идентичностей. В узком смысле «квир» выступает как обобщающий «зонтичный» термин, применяемый для обозначения как ЛГБТ и людей вне традиционалистических рамок идентичностей, так и гендерно нормативных гетеросексуалов, чьё поведение в сфере половых /гендерных отношений ставит их вне гетеросексуально-определяемого мейнстрима. Это могут быть люди, имеющие садомазохистские девиации и практикующие «БДСМ» (fetish subculture) или половые отношения с несколькими партнерами – промискуитет, «полиаморность», полигамность (polyamory, polygamy). В то же время, термин «квир» в широком смысле имеет иные социальные коннотации и применяется в ситуации резкого отрицания традиционных гендерных идентичностей, в том числе традиционной стратификации сексуальных идентичностей: геи, лесби, би- и гетеросексуалы, а иные люди, полагающие себя подавляемыми «гетеронормативностью» традиционной культуры. В последнем смысле понятие квира сохраняет историческое значение – «за границами нормативного общества», оно интерпретируется в настоящее время как идентичность «вне стереотипов пола, секса и гендера», нарушение правил и традиций ("breaking the rules for sex and gender") пола и гендера. Квирнис становится политическим сопротивлением против гетеронормативности, а также гомонормативности, одновременно отказываясь участвовать в традиционной политике сущностной, «эссенциалистической идентичности», иной форме жизни в целом (Qlife). Другие социальные движения, в том числе связанные с решением этническим проблем, существуют как ответвления квир-культуры или «странной культуры» (queer culture), как комбинации «странной идентичности» (queer identity) с другими взглядами. Так, сторонники «странного национализма» поддерживают идею о том, что сообщество ЛГБТИКА формирует уникальных людей, с уникальной культурой и обычаями (queercore, изначально homocore), в результате с середины 1980-х годов возникают культурные и социальные движения людей, претендующих на создание особых контркультур (панки и т.д.). Некоторые представители ЛГБТТИКА, однако, не одобряют использование понятие квира как «странного» и «чудачествующего» как общего для разных аддикций, поскольку считают его оскорбительным, издевательским или самоуничижительным в связи с его негативными традиционными языковым коннотациями и с традицией политического радикализма. Публичный спор о данном понятии на площадках официальных и неофициальных медиа, и, т.о., о сущности квирниса как аддикции или контркультуры, также знаменует социальный и политический раскол в ЛГБТ-сообществе между теми (включая активистов гражданских прав), которые воспринимают себя как «нормальных» людей и которые хотят рассматриваться как обычные члены общества, и те, кто считает себя отдельными, частью конфронтационной культуры (separate, confrontational), а не частью обычного общественного порядка (ordinary social order) [Gamson 1995; Paternotte D., Ayoub 2014].

«Инвалидизация» сообщества как еще одна сфера квирниса которая регулярно и активно обсуждается на площадках официальных и неофициальных медиа, завершает цикл нарушений отношений людей, сводя на нет культурные достижения всех народов: в жертву «политической корректностью» и требованиями «толерантности» приносится само развитие сообщества, которое, спускаясь в состояние невежества и тотальной аддикции, становится легко управляемым посредством фиксации на проблемах сексуального/гендерного и этнорелигиозного. Суть заключается в ориентации всего общества на людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и разрушение достижений специального образования и воспитания: планка требований к гражданам задается по стандартам, доступным лицам с ОВЗ. Поскольку типов лиц с ОВЗ много, нарушения множественны, постольку ориентация общества на нормальность множественных нарушений – прямой путь к вырождению: возникает «тоталитарная толерантность», принудительное и деформирующее, инволюционное движение сообщества и страны ко все более низким стандартам человеческого и культурного развития для обеспечения иллюзорного экономического и социально-политического комфорта и «безопасности». Псевдолиберальный подход к «включению» лиц с ОВЗ в обычную жизнь, вместе с другими, вполне очевидными и понятными требованиями обеспечения условий развития детей и взрослых с ОВЗ, перекрывает пути развития людям и с ОВЗ и без ОВЗ: политически некорректным и социально неодобряемыми становятся способы отношений (воспитания, обучения, труда и семьи), побуждающие и поддерживающие развитие. Ориентация на «минимальные уровни» образования и воспитания, культуры в целом, закрывает вопрос о развитии как таковом, приводит к уничтожению иди игнорированию как американских, так и мировых «традиционных» методики, не создавая взамен ничего равнозначного. Тем самым разрушается способность людей и их групп сопротивляться разрушению ценностей и самого человека, иметь право на индивидуальность и свободу: толерантность, демократия и иные маркеры процесса мондиализации и централизации власти предполагает тотальное разрушение культуры человеческой жизни. Инклюзия рассматривается на площадках официальных и неофициальных медиа как форма совместного бытия обычных людей и людей с ограниченными возможностями жизнедеятельности, которое поддерживает и развивает общество и его подсистемы. Однако, благодаря «тоталитарной толерантности» инклюзия превращается в нечто иное: разрушающее общество и его подсистемы. Но не прямо, извне, а изнутри: незаметно и целенаправленно. Идеология инклюзии (включающего общества) сложилась в результате гипертрофии ценности (любого) человеческого многообразия и (любых) отличий между людьми и группами. Политика инклюзии декларирует необходимость изменения общества и его институтов таким образом, чтобы общество и его институты создавали благоприятные условия включению разных людей (человека другой расы, вероисповедания, культуры, человека с ограниченными возможностями здоровья /ОВЗ/) в единое, общее поле. Такое включение, по мнению официальных и ряда неофициальных медиа, должно содействовать интересам всех членов общества, росту их способности

к самостоятельной жизни (включая лиц с ОВЗ), обеспечению равенства их прав и т.п. Однако, оно содействует лишь интересам власти: в мире всеобщего потребления и аномии, в мире где люди проживают в резервациях и где инвалидам становятся недоступны собственно профессиональная помощь, где требуемый уровень образования и воспитания снижается до общих компетенций и компетенций, позволяющих удовлетворять запросы финансовых и производственных корпораций, развитие человека как индивидуальности, труд развития, труд обучения и воспитания уходят в прошлое.

Неудивительно, что эти процессы вызывают сопротивление. Человечество разнообразно, разнообразие – источник его развития. Однако, современные медиа заняты преимущественно попытками утверждения единообразия: на площадках официальных и неофициальных медиа дискутируются разнообразные отклонения, которые, далее, с помощью техник, подобных окну Дж. Овертона, продвигаются в качестве нормативных. Нормативные, «здоровые» модели жизни и поведения отсекаются как реально, а не фиктивно угрожающие покою государственных монолитов, которые обслуживают медиа. Современный мир, мир капитализма, встал на путь выбора: возврата к рабовладельческо-феодальному миру мондиализации, уничтожающей не только «квиров», но и любую активность, потенциально опасную для государственного монолита в целом, или переход к миру интерсубъективного управления, в котором разнообразие – ценность, а не то, что требуется нивелировать ради ценностей «благополучия». Современные медиа играют значимую роль в процессе этого выбора: если «официальные» СМИ выступают на стороне дальнейшей мондиализации и глобализации, поддерживая интересы государства вне интересов народов, сообществ и человека, то медиаканалы и ресурсы Интернета и т.д. во многом направлены на децефализацию и интерсубъективное управдение.

Современный мир инволюционирует: он опирается преимущественно на дистопические сценарии развития сообществ, побуждающие их к революционным переворотам и иным пересмотрам сложившихся традиций и основанных на них отношений, в том числе, в сфере социального единения / партисипации и сепаратизма / отчуждения. Развитие сообществ связано с гармонизацией утопических и дистопических сценариев развития, сохранением традиций единения и партисипации, противостоящих бессмысленному сепаратизму и революционным переворотам. Оно связано с углублением децефализации сообществ и их демондиализацией, наряду с форсированием перемен и реформ, ослабляющими социальное расслоение, наряду с мерами и программами внедрения и развития технологий и идеологии последовательного и целенаправленного, совместного (интерсубъективного) управления.

Список литературы:

Де Токвиль А. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992. 554 с.

Желтикова И.В., Гусев Д.В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология. – Орел: Издательство ОГУ, 2011. 172 с.

Никишин С. Отчуждение и революционность в современном мире // Э. Ильенков и социализм. Сб. научных ст. / Ред. С.Н. Мареев. М., Диалектика и культура, 2002. С.103-114.
Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М.: Рольф, 2007. 592 с.
Шестаков В.П. Эсхатология и утопия. М.: Владос, 1995. 208с.
Шульц Э.Э. Технологии бунта. М.: Подольская ФОП, 2014. 512 с.
Gamson, J. Must Identity Movements Self-Destruct? A Queer Dilemma // Social Problems. – 1995. - № 42 (3). P. 390–407.
Paternotte D., Ayoub Ph. LGBT Activism and the Making of Europe: A Rainbow Europe? New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 137–138.
Schupbach, M. Worldwork: Ein Multidimensionales Change Management Modell // Organisations Entwicklung, 2007. №4 P. 56-64.

Арпентьева Марьям Равильевна – доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ), профессор кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (г. Калуга), *mariam_rav@mail.ru*